

Взлет и крушение российских утопий

Современный этап российской истории, начавшийся в 1985 году, предстает через десять лет после его начала как период крупномасштабных перемен и одновременно как великая драма, означающая крушение надежд и иллюзий десятков миллионов россиян, обещаний политиков свершить реформы в интересах и к выгоде большинства населения. Итоги десятилетия российских преобразований противоречивы, и я далек от того, чтобы изображать их только в негативном свете, отрицать их исторический смысл. Но невозможно не признать и того, что цена реформ — экономическая, социальная и нравственная — оказалась необычайно высокой и непредвиденной российским обществом, всеми его слоями. Резкий разрыв между ожиданиями, связанными с реформами, и их результатами, несовпадение и даже антагонизм замыслов и политической практики реформаторов — вот один из главных итогов российского десятилетия.

Причины этого драматичного, а для многих россиян и трагичного итога многообразны: в статье я сосредоточусь на одной из главных среди них. Кратко ее можно сформулировать так: на всех этапах реформ их провозвестникам и творцам был присущ идеологический утопизм, оборачивавшийся выдвижением и предложением конкретных программ-утопий, которые, как это сегодня уже очевидно, были обречены на неудачу с самого начала. Анализ российских утопий минувшего десятилетия представляет не только академический интерес, он актуален и сегодня. Как показывает текущая политическая практика, и общество в целом, и его элита не избавились от утопичного мышления, оно по-прежнему составляет важную характеристику российского политического сознания. Место рухнувших утопий занимают новые, спрос на утопии со стороны масс подкрепляется обильным их предложением со стороны властолюбивых политиков.

В современной России утопизм присущ и политической элите, и обществу в целом, но все же, «распределяя» ответственность между ними за выдвижение и усвоение утопических идей, возложить ее, по моему убеждению, необходимо в первую очередь на элиту. Ведь именно она инициировала утопичные проекты, она сознательно боролась и борется за власть, убеждая массы, что ее программы принесут обществу благоденствие. Элита более образованна и политически опытна, чем массы, поэтому ее отношение к тем или иным реформам имеет часто определяющее значение для их оценки и одобрения обществом.

Говоря об утопизме мышления российской элиты, я не отождествляю его с популизмом, хотя между утопизмом и популизмом сохраняются подвижные границы, и они могут оказываться единым целым. Но все же между популизмом и утопизмом есть и важное отличие: если популизм означает осознанное потакание массовым политическим инстинктам в целях борьбы за власть, то утопизм рождается вследствие собственной некомпетентности и непрофессионализма политиков. Политики-утописты, в отличие от политиков-популистов, могут руководствоваться благородными намерениями. Но, увы, именно их благими намерениями оказывается зачастую вымощена дорога общества в ад.

Первый крупный реформатор современности М. Горбачев являет собой яркий пример политика-утописта. Утопичными были не само его намерение предложить реформы обществу, которое совершенно не могло развиваться, двигаться вперед на прежней своей основе, а предложенные модели и способы реформирования. В период пребывания у власти Горбачев выдвинул и испытал на практике две главные модели реформирования общества: традиционалистско-коммунистическую и демократического социализма. В ретроспективном рассмотрении обе они, особенно способы их реализации, предстают как образцы утопизма.

При всей аморфности начального реформаторского замысла Горбачева в его основе лежали две четкие установки: первая заключалась в намерении с помощью стремительного рывка догнать западную цивилизацию по основным технологическим показателям в течение одной пятилетки, а вторая состояла в убеждении, что сама по себе система советского социализма непорочна, она по сути лучше, чем западные общества, а причина ее экономического отставания в том, что «потенциальные возможности социализма использовались недостаточно».

Эти две, явно противоречащие друг другу установки были унаследованы Горбачевым от предшествующих советских реформаторов, прежде всего от Н. Хрущева. Хотя Горбачев неоднократно и резко критиковал Хрущева за волюнтаризм, а через год после прихода к власти отменил нелепое обещание хрущевской программы КПСС оставить Запад позади по всем статьям и построить в СССР коммунизм к 1980-му году, его собственные идеологические установки воплощали именно хрущевскую цель «догнать и перегнать Америку», реформируясь исключительно на социалистической основе.

Пожалуй, ярче всего эта утопичная цель воплотилась в горбачевской «сверхзадаче» «ускорить» развитие советского машиностроения в такой степени, чтобы оно достигло американского, японского и германского уровней уже в начале 1990-х годов¹! При этом советское общество было оставлено в полном неведении относительно того, каким образом можно достичь эту цель. Ему не было сообщено, что для подобного «ускорения» машиностроения необходимо, чтобы производство оборудования для самого машиностроения развивалось в сравнении с ним еще в два раза быстрее, а это советской экономике было совершенно не под силу. Просто был отдан приказ: в сравнении со всеми другими отраслями машиностроение должно развиваться в 1,7 раза быстрее, поскольку именно оно — основа технологического и экономического прогресса (последнее положение, конечно, верно).

Поймать «журавля в небе» не удалось: цель «ускорить машиностроение» по горбачевски потерпела полный крах в течение двух лет. Тяжелыми оказались последние борьбы за утопическую цель: массивные денежные, в том числе валютные, вливания в машиностроение «ушли в песок», казна «надорвалась», дефицит на товарном и продовольственном рынках еще больше усилился.

Утопизмом, являвшимся следствием советско-коммунистических идеологизмов, пронизаны другие реформы Горбачева первого этапа. Например, Закон о трудовых коллективах, наделявший последние правом выбора руководящих работников и определения цены выпускаемой продукции, исходил из той откровенно идеологической догмы, что классовое сознание трудящихся подчинено «по определению» коллективистским целям и что поэтому введение «непосредственной демократии» на производстве, как провозгласил XXVII съезд КПСС, резко повысит «социалистическую взаимопомощь и требовательность», «высокую ответственность за выполнение обязанностей Перед обществом»². Однако трудовые коллективы, получив самостоятельность, повели себя не по Марксу, а по Гоббсу: стали преследовать исключительно собственные эгоистические интересы,

¹ См. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 23.

² «Правда», 6 марта 1986.

стремясь любой ценой повысить зарплату, цену выпускаемой продукции, избирать покладистых руководителей.

Здесь нет необходимости раскрывать утопизм всех первых реформ Горбачева (школьная реформа, закон о госприемке промышленной продукции, борьба с алкоголизмом и т. д.). Сегодня важнее указать на другое: вопреки распространенным впоследствии утверждениям, что все они должны быть поставлены в вину персонально Горбачеву, объективный анализ истории тех лет показывает, что утопические установки и методы советского лидера пользовались поддержкой как политической и интеллектуальной элиты, так и общества в целом. То есть предложенный им курс соответствовал ожиданиям общества, его интеллектуальному, политическому уровню и менталитету.

«Фирменным знаком» политического руководства Горбачева стало, стремление привлечь к разработке реформ представителей академического сообщества, особенно экономистов и социологов. Причем Горбачев стремился контактировать с теми, кто прежде слыл антиортодоксами, а отнюдь не с консерваторами. Сразу после его прихода к власти на передние позиции среди экономистов выдвинулись А. Аганбегян, Л. Абалкин, А. Анчишкин, А. Гринберг, П. Бунич, С. Шаталин. Особенно существенное воздействие на курс Горбачева оказал Аганбегян, который, в частности, был ярким сторонником приоритетного развития машиностроения. Восходящая «звезда» экономической науки Е. Гайдар в те же годы доказывал, что главный стержень экономического развития — «опережающее развитие отраслей машиностроительного комплекса»³. Ведущие экономические умы практически ограничивали себя «теоретическим наполнением» генеральной линии Горбачева.

Реформы Горбачева широко поддерживались и общественным мнением. Так, по данным опросов 1987 года, избрание руководителей трудовыми коллективами одобрялось 82% опрошенных, а антиалкогольная кампания поддерживалась 86% (среди женщин — 93%). Большинство одобряло и другие реформы Горбачева. Все это не снимает с Горбачева ответственности за провозглашение реформ-утопий, но помогает лучше понять корни и глубину драматических перипетий новейшей российской истории.

Горбачев должен был признать крах первых своих реформ и круто поменять курс в 1987 году. Место традиционалистско-коммунистической модели реформ заняла модель демократического социализма. Поменялась принципиальная идеологическая установка Горбачева. Если прежде предполагалось, что советский социализм в основе своей здоров и нужно только «ускорить» его развитие, теперь в советской социалистической («командно-административной») модели были обнаружены серьезные пороки, подлежащие устранению. В связи с этим лозунг «ускорение» был снят, а главными стали лозунги «перестройка», «гласность» и «демократизация».

Новый главный реформаторский лозунг «Больше демократии!» трактовался все более широко и глубоко, означая демократизацию отношений собственности, экономического управления, государственной власти и политической системы. В ретроспективном рассмотрении именно кампания широкой демократизации 1987—1988 годов означала начало вестернизации всего процесса отечественной модернизации, т. е. внедрение в него институтов и механизмов, получивших воплощение в западных странах и обеспечивших их опережающее развитие в сравнении с другими регионами. Главными среди этих институтов были политическая демократия и экономическая конкуренция. Горбачев признал их общечеловеческими ценностями, объявив, что они в равной степени полезны и для капитализма, и для социализма, а потому должны быть «привиты» советскому социализму.

«Прививка» не получилась: попытка создать социалистический рынок провалилась с треском, а введение политической демократии вместо расширения

---

³ Гайдар Е. Курсом оздоровления. «Коммунист», 1988, № 2.

поддержки сторонников Горбачева привело к их отстранению от власти и передаче ее радикалам, которые предпочли демократическому социализму демократический капитализм. Провал второй реформаторской модели Горбачева имел следствием крушение власти КПСС, распад СССР и, конечно, дискредитацию и крах социализма, в том числе демократического.

Почему же социализм оказался несовместим с рынком и демократией? Были ли эта несовместимость имманентной или обусловленной конкретно историческими причинами? Вопрос этот заслуживает пространной дискуссии, но и без нее, на мой взгляд, очевидно: Горбачев сам (и с самого начала) обрек демократический социализм на провал. Его второй реформаторской модели утопизм был присущ не в меньшей степени, чем первой.

Ярче всего это проявилось в том, как Горбачев попытался соединить социализм с рынком. Фактически социалистический рынок вводился декретами, в приказном порядке и, как сегодня это уже очевидно, без осознания даже азов рыночных отношений. Главным среди «рыночных» декретов был Закон о государственном предприятии (объединении), одобренный в июне 1987 года и вступивший в силу с 1 января 1988 года. Рыночный социализм должен был основываться на трех китах — самофинансировании, самокупаемости, самоуправлении всех предприятий. Роль центральных планирующих органов сводилась к подготовке контрольных цифр хозяйственного развития и к определению государственного заказа, долю которого предполагалось постоянно снижать. Продукция, произведенная сверх госзаказа, могла реализовываться по свободной цене на любых выгодных для предприятий рынках. Теоретически рыночная среда должна была все *более* выступать в качестве регулятора рентабельности, прибыли, заработной платы.

Предполагалось, что в 1988 году закон будет распространен на 50% предприятий, а в следующем году — на другую половину. Но уже в 1988 году выяснилось, что закон прочно забуксовал, а в следующем году стало ясно, что он потерпел фиаско. Сегодня очевидна главная причина этого: провозгласив с помощью декрета введение рыночного социализма, Горбачев на практике не дал ему никаких шансов на успех. В стране совершенно отсутствовала инфраструктура рынка, даже ее зачатки, т. е. элементарные условия и механизмы, которые позволяли бы предприятиям пускаться в «свободное плавание». Не было банков, товарно-сырьевых бирж, посреднических организаций, которые бы позволили наладить механизм закупок сырья и сбыта продукции, кредитов и инвестиций. В таких условиях большинство руководителей предпочитали не рисковать, а получать по максимуму госзаказ, который служил гарантией централизованного снабжения сырьем и такого же сбыта готовой продукции.

Утопизм введения рыночного социализма проявился также в отказе принимать во внимание и учитывать в реформаторской стратегии фактор патерналистско-социалистической ментальности и администрации, и рабочих, и населения в целом, которые, одоблив идею рынка, были в то же время решительно против отпуска цен, возможности понижения, а не только повышения зарплаты, массовой безработицы, закрытия предприятий. Накануне введения «социалистического рынка» было, например, известно, что в стране насчитывается более 30% убыточных предприятий, кроме того, еще 25% получали очень небольшую прибыль, а это обрекало их всех в условиях перехода к самофинансированию и прекращения государственных дотаций на банкротство. Возможность и условия банкротства были предусмотрены в 23-й статье Закона о предприятии. Но статья эта ни разу не была введена в действие. Ничего не дало и право сокращения рабочей силы: трудовые коллективы и общество в целом были против безработицы. Общество не приняло и перспективы повышения цен как следствия экономической свободы предприятий.

Провал горбачевских реформ, углублявшееся катастрофическое состояние товарного и продовольственного рынков стали важным реальным фактором, повернувшим политическую демократизацию против Горбачева и КПСС. На них общество возложило всю ответственность за обанкротившиеся программы.

Политическая же демократизация, особенно введенные Горбачевым альтернативные выборы позволили обществу передоверить дальнейшее свое реформирование политикам, выступавшим с иными программами. В 1989 году на политическую сцену вышли радикалы, наконец-то, как они доказывали, нашедшие способы решения общественных проблем.

Радикалы, как и Горбачев, видели панацею для России в усвоении общечеловеческих, а на самом деле либерально-демократических ценностей, среди которых главными были все та же рыночная конкуренция и политическая демократия. Но в отличие от Горбачева радикалы после недолгого романа с демократическим социализмом отдали свои симпатии безраздельно капитализму западного образца.

Утопизм радикалов заключался, конечно, не в признании рыночной конкуренции и политической демократии в качестве необходимых механизмов оптимального общественного развития, а в утверждении, что Россия, заимствовав механически их западные образцы, сможет безболезненно для населения и в кратчайшие сроки догнать и даже перегнать развитые страны по уровню благосостояния. Как торжественно провозгласила и без устали повторяла представительница радикалов Г. Старовойтова, она готова была заключить пари с лидерами Запада, что в случае принятия радикальной программы Россия уже в 2000-м году будет экономическим лидером мира.

Утопическое восприятие опыта Запада и возможностей применения его в условиях России имело два основных проявления. Первое заключалось в отказе от какого-либо критического отношения к западной общественной модели. Она стала трактоваться радикалами, средствами массовой информации и теми россиянами (а их, по моему заключению, основанному на данных опросов общественного мнения 1989—1991 годов, было большинство), которые поддерживали радикалов, как во всех отношениях совершенная и даже идеальная. Образцовыми объявлялись и экономические механизмы западных стран, и их классовые структуры, и система социального страхования, и политические институты. На западном «солнце» отказывались замечать какие-либо пятна, даже безработица объявлялась теперь благодеянием, поскольку она стимулировала благословенную конкуренцию на рынке труда и поскольку безработные от нее вовсе не страдали, получая пособия, в десятки раз превосходящие зарплату квалифицированных советских рабочих.

Это восприятие Запада было абсолютной противоположностью прежних негативных советских трактовок его опыта. Причем смена минусов на плюсы в оценке западного опыта произошла мгновенно, в течение буквально нескольких месяцев, она не основывалась ни на каких новых экономических или социологических исследованиях, т. е. носила откровенно идеологический характер. Осуществлена она была в первую очередь политиками и средствами массовой информации.

В апологетических оценках западного опыта со временем произошло одно существенное изменение. Поначалу, когда радикалы еще одобряли принципы демократического социализма, они склонны были доказывать, что «истинный» социализм как раз и воплотился в странах Запада. Но затем, когда произошел их отказ от принципов социализма, завершившийся окончательно к середине 1990-го года, радикалы стали преподносить западные ценности как образцово капиталистические, которые и следовало воплощать в России.

Еще одно апологетическое проявление восприятия западных ценностей выразилось как раз в том, что они объявлялись образцовыми для России, пригодными для воплощения в ней в чистом виде, без каких-либо корректировок. «Делать, как на Западе» и «жить, как на Западе» — таковыми стали главные заповеди радикалов. При этом доказывалось, что западные ценности могут быть воплощены в России в кратчайшие сроки и безболезненно.

Идеология российских радикалов, возглавивших реформаторский процесс в России с 1990-го года, воплотила, можно сказать, классические черты революционных утопий переходных эпох. Одна из них заключалась в том, что радика-

лы исходили не из того, что возможно построить в России с учетом ее цивилизационных характеристик, органического социально-экономического, политического и социокультурного материала, а из того, как должно быть обустроено российское общество в соответствии с определенным идеалом, воплощающим некое «абсолютное добро». Другое свойство утопизма радикальной идеологии заключалось в том, что она строилась на основе прямого и тотального отрицания утвердившейся в России общественной системы как ее абсолютная альтернатива.

При характеристике современного российского радикального утопизма важно учитывать, что его выразителями в большинстве своем были люди, в недавнем прошлом тесно связанные с КПСС, более того, пребывавшие в советско-коммунистическом истеблишменте. Восприятие либерально-демократических идеалов такими радикальными лидерами, как Б. Ельцин, Ю. Афанасьев, Р. Хасбулатов, Г. Попов, Н. Травкин, М. Полторанин, определялось не глубокой мировоззренческой эволюцией, а логикой и особенностями общественных процессов в России второй половины 1980-х годов. Фактический провал двух реформаторских моделей Горбачева, обе из которых обозначались как социалистические, привел к глубокому и массовому разочарованию в социализме. В обществе быстро возобладало убеждение, что реформирование на социалистической основе вообще невозможно и что должны быть позаимствованы механизмы тех стран, которые прочно утвердились на передовой позиции в мире. Политические деятели, пожелавшие перехватить у Горбачева лидерство в реформаторском процессе, чутко отреагировали на новую политическую конъюнктуру. Введенная же Горбачевым политическая свобода позволила беспрепятственно взять на вооружение и пропагандировать западные идеалы.

Позаимствованы они были в их самой простой и даже примитивной форме. Западничество радикальных политиков, вчера еще представителей второго эшелона советско-коммунистического истеблишмента, вылилось по преимуществу в восприятие тех западных социально-экономических принципов, которые оказались наиболее популярны во второй половине 1980-х годов. Большинство российских радикалов не случайно стали поклонниками М. Тэтчер и Р. Рейгана, лидеров неоконсерватизма, возводившего во главу угла монетаризм, экономический либерализм и сводившего до минимума социальную ответственность государства. Именно эти принципы были теперь представлены россиянам в качестве «общечеловеческих». При этом они преподносились радикалами в эпатажно-лозунговом виде. Не потому ли их откровения 1989—1991 годов выглядят сегодня как карикатура на то, что составляют в действительности западные ценности.

Почему массы россиян восприняли это примитивно подражательское западничество радикалов, пошли за ними и в конце концов верили им власть в России? На мой взгляд, по той же причине, по какой большинство наших соотечественников доверялись прежде реформаторским замыслам Горбачева: примитивно утопическое западничество радикалов соответствовало ожиданиям масс и уровню их политической культуры. В 1989—1990 годах россияне твердо решили «жить, как на Западе»: по данным опросов ВЦИОМ, в 1990 году 32% респондентов считали образцом для подражания США (в 1989 году — 28%, в 1991 году — 25, в 1992 году — 12%), еще 32 — Японию, 17 — Германию, 11 — Швецию и только 4% — Китай⁴.

Важную, если не решающую роль в распространении среди россиян легковесных представлений о возможности воплощения в России западных ценностей, в первую очередь рынка, гражданского общества, разделения властей, политического плюрализма, экономических и политических свобод, сыграли средства массовой информации. Журналисты, публицисты, творческая интеллигенция, выступавшие на страницах «Московских новостей», «Московского комсомольца»,

⁴ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. «Информационный бюллетень ВЦИОМ», 1993, № 6, с 14.

«Огонька», «Аргументов и фактов», других популярных изданий, были преисполнены оптимизма и не видели особых препятствий для усвоения Россией американских, шведских и германских образцов, для воплощения благодати рынка и политической демократии. Особую эйфорию испытывали относительно чудотворных способностей рыночной свободы: характерным было убеждение в том, что она благотворна абсолютно для всех и вся: и для промышленности, и для сельского хозяйства, и для торговли, и для науки, и для культуры. Представителям культуры, разделявшим радикальные взгляды и задававшим тон среди творческой интеллигенции, было свойственно отождествлять рыночную свободу со свободой творчества, по крайней мере они исходили из убеждения, что именно рынок «отберет» самые лучшие фильмы, книги, научные достижения.

В популярных газетах и журналах, в теле- и радиопередачах все чаще и чаще выступали ученые, не испытывавшие никаких сомнений относительно возможностей быстрого и эффективного введения в России рыночного капитализма. Среди таких ученых одной из самых ярких «звезд» стала экономист Л. Пияшева. Обращаясь в 1990-м году со страниц «Огонька» к Б. Ельцину, избранному тогда главой законодательной власти в России, она гневно клеймила своих колеблющихся, сомневающихся и пытающихся что-то рассчитать коллег «Не верьте ни одному модельеру, ни одному „расчетчику" и „планировщику" постепенного перехода к рынку... Все свои расчеты сотрудники ЦЭМИ осуществляют на основе „имитации" рыночных отношений. Это коварная штука, ибо никто и нигде не может заранее знать, какие цены установятся на землю, дома, оборудование, даже на сырье и потребительские товары. Нет никаких шансов хотя бы примерно угадать, как сложатся отношения кооператоров, арендаторов и акционеров, каким будет коммерческий банковский процент, какая доля иностранного капитала вольется... Не приглашайте Василия Леонтьева в консультанты, ибо он советует, как рассчитать „правильные" цены и построить „правильные" балансы. Оставьте все эти упражнения для филантропов и начинайте жестко и твердо переходить к рынку незамедлительно, без всяких предварительных стабилизаций»⁵. А со страниц журнала «Родина» Пияшева столь же твердо декларировала возможность повторения в России германского экономического чуда. Сделать это можно было очень просто: «Когда я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего не приходит в голову, как перенести опыт немецкого экономического чуда на нашу территорию. Конституировать, как это сделало правительство Аденауэра, экономический либерализм в чрезвычайные сроки, запретить коммунистическую идеологию, провести Всероссийский процесс покаяния, осудив всех „зачинщиков" хотя бы посмертно, сбросить с себя груз тоталитаризма, захоронить ленинский прах, убрать в музеи всю социалистически-коммунистическую символику и высвободить на волю вольную всю уцелевшую и сохранившуюся в обществе предпринимательскую инициативу. Моя надежда теплится на том, что выпущенный на свободу „дух предпринимательства" возродит в стране и волю к жизни, и „протестантскую этику"»⁶.

Воинствующий антисциентизм Пияшевой выступил в качестве характерной черты радикальной утопии. Ее выразители, твердо державшие равнение на западные стандарты при определении целей российских реформ, неизменно игнорировали фактор вопиющей отсталости России по основным экономическим и социальным показателям от избранного идеала. Если речь шла о жилищной программе, образцом объявлялся американский стандарт — 45 м² на человека. Если начинали рассуждать о необходимых расходах на органы правопорядка, опять докапывались до американского стандарта — расходы каждого налогоплательщика на блюстителя правопорядка составляли там 1000 долл. в год. Надежды на быстрое достижение идеала опять-таки связывались с незамедлительным введением капиталистических порядков по-американски. Популярным стало,

⁵ «Огонек», 1990, № 44, с. 6.

⁶ «Родина», 1990, № 5, с. 8.

например, утверждение, что стоит только заменить колхозы на частные фермы, как они тут же накормят Россию и начнут экспорт зерна. Но ни разу не был приведен экономический расчет, призванный ответить на вопрос: как можно совершить этот «большой скачок», если Россия по урожайности зерна отставала от Турции, Пакистана, Бангладеш и Никарагуа.

Столь же оптимистичными были рассуждения об идеальном политическом обустройстве России: у радикалов не возникало никаких сомнений, что гражданское общество, многопартийность, плюрализм, разделение властей могут утвердиться быстро и безболезненно, если их идеалы будут восприняты большинством народа. Поборники радикализма отвергали любые формы авторитаризма, например президентское правление, даже на переходный период экономических реформ. Проблема возможной коллизии между политической демократией и экономической свободой, которая выступает в качестве закономерности в обществах с низкими доходами и неразвитой гражданской культурой, не поднималась.

До бесконечности можно продолжать перечень конкретных популистско утопических обещаний радикалов, которые они включали в свои предвыборные программы. Это и утверждение, что ликвидация привилегий партноменклатуры способна решить фундаментальные экономические и социальные проблемы, и обещание дать автономиям столько суверенитета, сколько они смогут «проглотить», и предложение немедленно формировать вооруженные силы по найму, и требование одним махом отменить прописку, и множество других, разных по значимости, но никогда не просчитанных, не основанных на экспертизе. Большинство из них с энтузиазмом подхватывалось средствами массовой информации и бралось на веру массой россиян. Это и обеспечило политическую победу радикалов, пришедших к власти мирным, легитимным путем, в данном случае абсолютно по западному образцу, в результате добровольного согласия граждан.

Утопизм идеологии и конкретных обещаний радикалов выявился уже в первые месяцы их практической деятельности в 1991 году, а в полной мере раскрылся к концу 1992 года, когда стали ясны результаты реформ, связываемых с именем Гайдара. Необходимо отметить, что многие лидеры и участники радикального движения, не вошедшие во властные структуры, подвергли изъяны гайдаровских реформ острой критике, пытаясь доказывать, что они не соответствуют радикальным заповедям. По моему же заключению, объективное сравнение реформ Гайдара и радикальной идеологии 1989—1991 годов обнаруживает их безусловное теоретическое единство, а введение капитализма в России соответствовало логике идеологического радикализма. Результаты практической деятельности радикального правительства выявили не только и не столько изъяны гайдаровских реформ, сколько утопизм всей идеологии и стратегии российского радикализма.

Здесь нет необходимости раскрывать все последствия гайдаровских реформ, их минусы и плюсы (а такие тоже имелись), глубокую противоречивость⁷. Остановлюсь на некоторых ярких примерах несовпадения, разрыва между идеологическими обещаниями радикалов и практическими результатами их деятельности и на причинах этого.

В основе гайдаровских реформ лежала концепция шокотерапии, которая в полном соответствии со стратегией и идеологией радикалов означала быстрое введение режима свободных рыночных отношений. Первая радикальная реформа — освобождение цен с начала января 1992 года — привела к неожиданным и драматическим результатам. Вместо прогнозирувавшегося роста цен примерно в 3 раза произошло их увеличение в 10—12 раз, так что запланированное увеличение зарплаты и пенсий на 70 процентов, оказавшееся мизерным в сравнении с реальным ростом цен, привело к тому, что большинство населения

⁷ Этой теме, в частности, посвящена моя статья «Современная российская модернизация: этапы, логика, цена». «Вопросы философии», 1994, № 11.

оказалось за чертой бедности. Резкий разрыв между ростом цен и доходами населения сохранился и в последующем, перманентное ухудшение жизни большинства россиян стало прочной тенденцией современного этапа. Вместе с этим рухнуло, обнаружив абсолютную несостоятельность, главное стратегическое обещание радикалов — проведение реформ без ухудшения жизни большинства населения. Вместо него «заработал» закон, открытый некогда Марксом относительно эпохи первоначального накопления капитала: богатые богатеют, бедные беднеют.

Другая крупная реформа Гайдара и радикалов — введение экономической свободы в промышленности — должна была, что так же в полной мере согласовывалось с радикальной идеологией, стать основой структурных изменений. Свободная конкуренция призвана была отобрать те товары (и товаропроизводителей), которые удовлетворяли потребности общества, и отторгнуть те, которые были ему не нужны. Но в действительности в силу целого ряда причин экономическая свобода привела к жесточайшему кризису большинства предприятий, погрязших во взаимных долгах. Во многих отраслях стало невыгодным производство товаров первой необходимости. В самом тяжелом положении, фактически «ненужными» рынку, оказались наукоемкие отрасли. Экономическая свобода вместо ожидавшейся структурной перестройки породила процесс деиндустриализации страны.

Не оправдала ожиданий радикалов ваучерная приватизация, которая, согласно их обещаниям, должна была обратить массы россиян в средний класс — собственников и акционеров. Исходя из оценки имущества российских предприятий на 1 января 1992 года в 1 трлн 400 млрд рублей, каждому россиянину на приобретение акций был выдан приватизационный чек (ваучер) стоимостью в 10 тыс. рублей. Но вследствие инфляции и кризиса сбыта только взаимные долги предприятий к середине 1992 года, т. е. еще до начала раздачи ваучеров, в полтора раза превысили эту сумму, что лишало большинство россиян шансов на приобретение доходных акций и вхождение в средний класс. Так рухнула радикальная идея о быстром создании в России среднего класса и построении народного капитализма.

Радикальные реформаторы не смогли выполнить своих обещаний и в политической области. Первым «испытание на прочность» не выдержал декларированный ими принцип разделения властей. Драматично развивались взаимоотношения между центральной законодательной и исполнительной властями. Их конфликт 1992—1993 годов завершился варварской кровавой схваткой, в которой победу одержала президентская сторона. Новая конституция создала государственную модель, в которой власть «разделена» таким образом, что президент обладает реальной возможностью для утверждения авторитарного режима.

Драматическая судьба постигла пропагандировавшийся радикалами принцип правового государства. Придя к власти, они начали все более уповать на политическую целесообразность, вопреки законам в реальной жизни бал стали править чиновники. В целом вместо обещанной радикалами североамериканской или западноевропейской модели в России стала утверждаться латиноамериканская общественная модель. Страны этой модели, развиваясь на рыночной основе и вовлекаясь в мирохозяйственные связи, занимают в них нишу, определяемую «правилами игры», которые задаются наиболее развитыми индустриальными странами. Российская ниша в таком случае — экспорт сырья, в первую очередь нефти и газа, различных сортов металла. Все иные отрасли, в том числе наукоемкие, образование и наука оказываются невостребованными и обреченными на прозябание.

Социальная структура обществ латиноамериканской модели исполнена острых и неустрашимых контрастов. Процветают узкий слой торгово-ростовщического и банковского капитала, а также срастающееся с ним коррумпированное чиновничество. Подавляющее большинство общества с низким уровнем образования и сознанием, детерминируемым рыночной массовой культурой, состоит из бедных слоев. Средний класс практически отсутствует, политическая демократия в таком обществе нежизнеспособна, ибо, как свидетельствует мировой опыт, ее основой может быть

только мощный средний класс, составляющий не менее половины населения. В странах латиноамериканской модели утверждается авторитарный режим, в лучшем случае обставленный демократическими учреждениями.

Латиноамериканизация российского общества сегодня признается разными политическими силами, но они дают различное объяснение ее причин. Выделяются две трактовки. Первая принадлежит коммунистам и национал-патриотам: такие ее выразители, как Г. Зюганов, Ю. Власов, С. Говорухин, В. Жириновский и близкие к ним пропагандистско-идеологические органы («День», «Правда», «Советская Россия», «Молодая гвардия», «Наш современник» и др.), усматривают в возобладавшей в России тенденции результат заговора Запада и Соединенных Штатов. Любопытно, что в последнее время к ним присоединили свой голос и некоторые радикалы, например Г. Попов, объявивший, что правительство Ельцина действовало «по рецептам Запада»⁸. Мне уже приходилось критиковать эту точку зрения⁹, которую я считаю откровенно популистской, ложной, но которая укрепилась в массовом сознании и в пропаганде коммунистических и националистических партий. Она свидетельствует о неспособности признать внутренние источники и закономерности развивающегося на наших глазах драматического исторического процесса. Со стороны же политиков — это также самый легкий способ эксплуатации неразвитого массового политического сознания. Принятие такой точки зрения обществом было бы равнозначно окончательной трагедии: сосредоточенность на «происках Запада», на поиске внешних врагов лишает общество способности отыскивать реальные, заключенные в нем самом возможности и способы выхода из социально-политического тупика.

Другая трактовка принадлежит «разочаровавшимся» радикалам, которые объясняют неожиданный для них поворот реформ нравственным «перерождением» или «предательством» своих политических соратников, оказавшихся у власти, а также тем, что те действовали не в строгом соответствии с заветами радикального движения оппозиционного периода. Поэтому-де в России и возобладала «номенклатурный капитализм» и «номенклатурная демократия»¹⁰.

На мой взгляд, это наивно-идеологическая точка зрения, свидетельствующая о неспособности или нежелании «разочаровавшихся» радикалов отказаться от утопических грез. Конечно, отрицать морально-нравственное перерождение властвующих радикалов не приходится: современный российский термидор оказался одним из самых циничных в истории. Но главная причина резкого разрыва между идеологическими обещаниями радикалов и практическими результатами радикальных реформ все же не в этом. Она заключена в резком, утопическом отрыве радикальных обещаний, ожиданий, программ 1989—1991 годов от реальных экономических, социокультурных и политических возможностей российского общества. Радикальная модель социально-экономических и политических реформ, выдвинутая в тот период, при ее практическом применении в российских условиях могла дать и дала жизнь именно номенклатурному капитализму, а не западноевропейской или североамериканской модели.

Если крушение реформаторских программ Горбачева имело следствием массовое разочарование россиян в идеалах социализма, то крах радикальной утопии породил кризис доверия к либерально-демократическим принципам. В России вновь образовался вакуум идеологии и веры и со всей остротой встал вопрос о том, что заполнит его в этот раз. Анализ современных тенденций свидетельствует о воз-

⁸ См. Попов Г. Третья модель. Об идее реформаторской центристской коалиции. «Независимая газета», 25 февраля 1994.

⁹ См. Согрин В. Политическая история современной России. 1985—1994: от Горбачева до Ельцина. М., 1994.

¹⁰ См., например, Афанасьев Ю. Реванш. «Новое время», 1994, № № 4, 5; Б у р т и н Ю. Две приватизации. Как мы пришли к номенклатурному капитализму. «Новое время», 1994, № № 20, 21; Пияшева Л. Под конвоем. «Независимая газета», 16 ноября 1994; «Демократия в России: самокритика и перспективы». «Общественные науки и современность», 1995, № 2.

возможности заполнения его новыми утопиями. Теперь на ведущую позицию претендуют реставрационные утопии: коммунистическая и национал-патриотическая.

На левом фланге оппозиции радикальным реформам с конца 1991 — начала 1992 года выступили две силы: новые и старые левые. Новые левые, представленные такими организациями, как Социалистическая партия трудящихся, Социалистическая партия (позднее преобразована в Партию труда), всевозможные социал-демократические фракции и группы, воплотили социал-реформистскую тенденцию, означавшую компромисс с новым порядком и борьбу за его социализацию, но не разрушение. С точки зрения сохранения и развития позитивных тенденций, привнесенных «бархатной» революцией 1991 года в Россию, в качестве конструктивной оппозиции радикал-реформаторам нужны именно новые левые. Но, увы, в отличие, скажем, от Венгрии, Польши или даже Литвы в России они не смогли добиться сколько-нибудь существенного влияния, оставшись узкими организациями интеллигенции.

Зато силу стали набирать старые левые, во главе которых выступили Российская коммунистическая рабочая партия и Российская коммунистическая партия. В отличие от новых левых это чисто реставрационные партии, исповедующие самые реакционные, допотопные варианты коммунизма. Обе партии привержены большевистскому революционному авантюризму: лидер Коммунистической партии Зюганов повторяет, как заклинание, один-единственный лозунг о необходимости полной смены общественного строя, как будто он имеет мандат на возврат к казарменному социализму от большинства населения (в действительности коммунистов поддерживает менее 10% населения). Никаких конструктивных программ обе компартии предложить не в состоянии, упор ими делается на «экспроприацию экспроприаторов», поэтому их платформа предстает как реакционная утопия в чистом виде, сориентированная на самые бедные и забытые слои населения, которым новый строй не дает никаких шансов на сколько-нибудь сносное существование.

Национал-патриотическая утопия выступает с внеклассовых позиций, эксплуатирует национальные чувства россиян и делает ставку на мощное авторитарное государство как на главное орудие мобилизации общества с целью разрешения его внутренних и внешних проблем. При всех различиях между сторонниками национал-патриотической утопии им присуще и принципиально общее: главный источник российского кризиса они видят в «происках» внешних и внутренних врагов; государство в их идеологии и планах поглощает, вбирает в себя гражданское общество и права личности и с помощью своего диктата выводит страну из тупика; они не проявляют вообще или проявляют в минимальной степени интерес к экономической теории и экономическим (макро- и микро-) разработкам, поскольку таковым не отводится сколько-нибудь существенной роли и самостоятельного значения в схемах преодоления кризиса. Крайним выражением национал-патриотической утопии стала концепция национал-социализма Жириновского и Либерально-демократической партии. Эта утопия составляет ядро или представлена в той или иной мере в программах других новых партий (например демократической, конституционно-демократической, аграрной).

И коммунистическая, и национал-патриотическая утопии носят реставрационный характер, обращены в прошлое и ставят крест на тех либеральных и демократических ценностях, которые завоевали широкое признание в России в 1985—1991 годах. Каковы их шансы на успех в условиях современного кризиса и упадка влияния либерально-демократических ценностей?

Данные социологических опросов, которые стали широко проводиться в России в последние годы, свидетельствуют о противоречивости, неустойчивости, фрагментарности современного российского политического сознания¹¹, что за-

¹¹ См., например, данные опросов фонда «Общественное мнение» («Полис», 1993—1994) и Всероссийского центра изучения общественного мнения («Экономические и социальные перспективы: мониторинг общественного мнения», 1993—1994).

трудняет прогнозы длительного политического поведения масс. Тем не менее определенные выводы относительно него, как и перспектив старых и новых российских утопий, возможны.

Социологические опросы показывают, что радикально-либеральная утопия, которая в ее практическом применении привела к утверждению номенклатурного капитализма, пользуется все меньшим влиянием в России. Массы отвернулись от нее, а поддержку радикальному либерализму составляют по преимуществу «новые русские» (да и то не все), непосредственно выигравшие в результате гайдаровских реформ. Поэтому у организаций, выступающих с позиции радикального либерализма, таких как «Демократический выбор России» во главе с Гайдаром или Партия экономической свободы во главе с К. Боровым, нет шансов укрепиться у власти в случае сохранения механизма демократических выборов.

Опросы свидетельствуют, что прозападнические настроения россиян, достигшие своего пика в 1989—1991 годах и принесшие тогда мирную победу радикалам, явно пошли на спад. Кроме того, распространившееся в те годы желание «жить, как в Америке» не трансформировалось в систему устойчивых либеральных **ценностей**, **главными среди** которых являются предприимчивость, личная экономическая независимость, культ индивидуального успеха. Ментальность большинства россиян остается коллективистской и патерналистской, они надеются как на якорь спасения в море экономических и политических бурь не на собственные силы или гражданское общество, а на сильное государство. Если сегодня и можно говорить об элементах массового либерального сознания среди россиян, то эти элементы нужно относить не к классическому либерализму, под знаменем которого действовали российские радикалы, а к так называемому социальному либерализму, который оформился в XX веке и стал либеральным *alter ego* социал-демократии. В связи с этим не случайно, что некоторые политики из радикального лагеря (И. Хакамада, Б. Федоров, Г. Явлинский, Н. Травкин, С. Шахрай) стали ориентироваться именно на социально-либеральные ценности. Но создать политическую организацию, способную опереться на массовую поддержку, им до сих пор не удалось.

Эволюция массового политического сознания россиян свидетельствует, что их разочарование в либеральных ценностях сопровождалось усилением влияния коммунистических и националистических утопий. Вместе с тем очевидно и то, что влияние этих утопий остается до сих пор ограниченным, твердую поддержку им выказывают не более одной трети россиян. Большинство россиян, высказываясь в пользу наведения в стране порядка, в то же время не согласны пожертвовать демократическими правами, принципами и установлениями, такими как свободное политическое волеизъявление граждан, разделение властей, правовое государство. Поэтому шансы на политический успех выразителей коммунистических и националистических утопий остаются весьма зыбкими.

Своеобразное равновесие в соотношении различных российских утопий и то, что ни одна из них не может уже увлечь за собой большинство россиян, не означают, что утопизм массового сознания и мышления элиты в России пошел на спад. Особую опасность, как и прежде, представляет утопизм в политическом мышлении элиты — людей, от которых зависят подготовка и принятие политических решений. Уровень некомпетентности и непрофессионализма российских политиков, как и прежде, очень высок, их желание найти панацею для решения острейших социально-экономических проблем неистребимо. Разочаровавшись в одних утопиях, они высказываются в пользу новых, при этом утопизм оппозиции соперничает с утопизмом власть предержащих. В таких условиях проблема политического выбора для российских избирателей продолжает сводиться к выбору между большим и меньшим злом.